

УДК 94(44).042
ББК 63.3(4Фра)521

**Вандейское восстание и его место в истории
европейских региональных антиреволюционных
и контрреволюционных движений**

T. Рокки

Справочная библиотека Торонто (Торонто, Канада)

**The Vendée Rebellion and Its Place in the History
of European Regional Antirevolutionary
and Counterrevolutionary Movements**

T. Rocchi

Toronto Reference Library (Toronto, Canada)

Вандея, западный французский департамент, занимает особенное место в истории европейских революций на фоне других региональных контрреволюционных и антиреволюционных движений. Вандейское крестьянское роялистское восстание, прошедшее между 1793 и 1796 г. под руководством дворянства и католического духовенства, сделало название региона синонимом массовой контрреволюции низов. Данная статья прослеживает некоторые аспекты вандейского восстания в истории Французской революции. Горячие споры среди современных историков вызывают мнения некоторых исследователей о политике геноцида вандейского населения якобинским правительством. Многие историки признают масштабность репрессий, но возражают против использования термина «геноцид». Вандейское восстание имело элементы сходства со многими другими региональными контрреволюционными и антиреволюционными движениями, возникшими уже в первые месяцы после взятия Бастилии 14 июля 1789 г., а также со многими революционными «федералистскими» движениями департаментов в 1793 г. против парижских и местных якобинцев. Все эти движения включали элементы гражданской войны между разными слоями местного населения, особенно между противниками и сторонниками революции. Более глубокое исследование Вандейского восстания помогает нам всесторонне разобраться в вопросах региональных идентичностей, консолидации французской политической нации, гражданских войн во время революций, проследить динамику антиреволюционных и контрреволюционных движений, выявить разновидности массового насилия.

The western French department of the Vendée occupies a special place among the regional counterrevolutionary and antirevolutionary movements in the history of European revolutions. The Vendée peasant royalist rebellion, between 1793–1796, under the leadership of the nobility and Catholic clergy, has made the region a synonym for mass lower-class counterrevolutions. This article examines several aspects of the Vendée rebellion in the history of the French Revolution. The accusations of certain scholars about a policy of genocide by the Jacobin government of the region's population arouses heated debates among contemporary historians. Many historians do recognize the massiveness of the repressions but they object to use of the term genocide. The Vendée rebellion has elements of similarity with many other regional counterrevolutionary and anti-revolutionary movements emerging already in the first months after the taking of the Bastille on July 14, 1789 and with the many revolutionary «federalist» movements of the departments in 1793 against Parisian and local Jacobins. All these movements contained elements of civil war between different groupings of the population, especially between opponents and supporters of the revolution. A deeper study of the Vendée rebellion helps us more objectively understand the questions of regional identities, the consolidation of the French political nation, civil wars within revolutions, the dynamics of antirevolutionary and counterrevolutionary movements, and the diversities of mass violence.

Ключевые слова: Вандея, Французская революция, контрреволюции, региональная идентичность, европейские гражданские войны.

Key words: Vendée, French Revolution, counterrevolutions, regional identity, European Civil wars.

DOI: 10.14258/izvasu(2022)3-06

Вандея, западный французский департамент, занимает особенное место среди региональных контрреволюционных и антиреволюционных движений в истории европейских революций. Под руководством дворян и священников вандейские крестьяне в «католической и королевской армии» воевали между 1793 и 1796 г. за короля и церковь против якобинских республиканцев. Вандейское роялистское восстание, охватившее Вандею и окружающие департаменты, стало синонимом региона массовой контрреволюции низов.

В данной статье прослеживаются некоторые аспекты вандейского восстания, заслуживающие дальнейшего исследования. Во многом это восстание является микрокосмом самых острых аспектов Французской революции. Такие аспекты включают региональные идентичности, консолидацию французской политической нации, гражданские войны в революции, динамику антиреволюционных и контрреволюционных движений, разновидности массовых убийств, организованных сверху и снизу, роль религиозной и политической эсхатологии в формировании идеологий.

Тема также имеет определенную актуальность при исследовании Российской революции 1917–1922 гг. Уже в это время красные и белые называли казачьи земли, особенно Дон, «Вандеей российской революции». Со временем некоторые историки применяли вандейскую концепцию (о регионе массовой крестьянской контрреволюции) к Сибири, Северному Кавказу и Тамбовщине. Однако российские политические деятели и историки иногда делали ошибочные выводы, потому что казаки и восставшие крестьяне не воевали за реставрацию романовской династии [1, с. 32].

Вандейское восстание часто вызывает острые реакции среди исследователей по всему спектру мнений. На протяжении десятилетий многие историки французской революции отказывались признать, что народ мог быть контрреволюционным. Однако, как справедливо заметил американский исследователь Д.М.Г. Сазерленд, «необходимо понимать революцию как борьбу между революцией и контрреволюцией» [2, р. 3]. Можно сказать то же самое обо всех европейских революциях начиная с Женевской революции 1768 г. и заканчивая Российской революцией 1917–1922 гг. Подчеркиваем, что в эпоху европейских революций революционные, антиреволюционные и контрреволюционные движения часто

внушали своим приверженцам, что насилие было совершенно легитимным средством достижения своих политических целей.

Трудно сомневаться в масштабности репрессий при подавлении восстания. В 1796 г. генерал Лазарэ Хош в докладе к правительству подсчитал, что 600 тысяч французов (повстанцы и солдаты) погибли в Вандее, и что лишь 20% мужского населения выжило на территории департамента [3, р. 199]. Были убиты мужчины, женщины и дети. Британский исследователь Ричард Дойл подсчитал, что 250 тысяч вандейцев были убиты солдатами. Он приводил следующую статистику о жертвах якобинского террора между 1793 и 1794 г.: по приказу правительственных органов при подавлении федералистских региональных восстаний казнили 16 тысяч, еще столько же были убиты во время неофициальных казней. По решению комитетов и трибуналов в тюрьмах содержали 500 тысяч человек, из которых 10 тысяч человек умерли. В 1789 г. во Франции проживали 28 миллионов жителей [4, р. 253–259].

Французский историк Рейналь Сеше подсчитал, что солдаты убили 117 тысяч вандейцев и жителей окружающих департаментов, охваченных восстанием — 14,4% населения [3, р. 208]. Однако опубликование его книги в 1986 г. вызвало горячие дебаты, потому что Сеше констатировал, что якобинцы проводили политику геноцида вандейского населения. В конце книги он написал: «...именно это желание стереть все следы восставшего народа с лица земли определяет геноцид» [3, р. 208, 259]. Многие историки признавали масштабность репрессий, но возражали против использования термина «геноцид». Австралийский историк Питер Мэкфи написал, что Сеше злоупотребил термином «геноцид», придуманным в 1944 г., чтобы описать еврейский холокост. Мэкфи цитировал Конвенцию ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: «...под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу». Он также заметил, что невозможно описать гражданскую войну в Вандее односторонним массовым убийством и нет достаточных оснований доказывать, что якобинское правительство намеревалось убить жителей Вандеи как сторонников контрреволюционного и антиреволюционного движения [5, р. 93–94].

Мэкфи правильно охарактеризовал восстание как гражданскую войну. Вандейские повстанцы вы-

гоняли, избивали и убивали всех выигравших от революции, в том числе католических священников, принявших обет лояльности к конституции, а также покупателей (часто из буржуазии) конфискованных церковных земель, местных республиканских администраторов и членов якобинских клубов, особенно из городских буржуазных слоев [2, с. 155–157]. Такие проявления массового насилия против всех выигравших от революции имели место в других роялистских контрреволюциях, особенно на юге (Midi) Франции и среди шуанов — партизан в Нормандии и Бретани. Подчеркиваем, что вандейское восстание имело элементы сходства со многими другими региональными контрреволюционными и антиреволюционными движениями, возникая уже в первые месяцы после взятия Бастилии 14 июля 1789 г. и тоже со многими революционными «федералистскими» движениями департаментов в 1793 г. против парижских и местных якобинцев. Все эти движения включали элементы гражданской войны между разными слоями местного населения, особенно между противниками и сторонниками революции. В Оксфордском словаре английского языка гражданская война определяется как «война между гражданами или жителями отдельной страны, государства или социума» [6]. Вандейское восстание явилось гражданской войной между повстанцами и правительством, а также между местными противниками и сторонниками революции.

Не все революции и национально-освободительные войны в Европе включали элементы гражданской войны. Однако, если мы понимаем Вандейское восстание как своеобразную гражданскую войну, следовательно, мы можем плодотворно сравнивать элементы гражданской войны во Французской революции 1789–1799 гг. (и даже вплоть до коронации Наполеона Бонапарта императором в 1804 г.), в революциях в Австрийской империи 1848–1849 гг. и особенно в Российских революциях 1905–1907 гг. и 1917–1922 гг. Варианты массового насилия сверху и снизу в Вандее отражали многочисленные разновидности насилия на всех этапах Французской революции. Совсем ошибочно ограничивать насилие только периодом якобинского террора в 1793–1794 гг. или говорить о мирном периоде революции между взятием Бастилии 14 июля 1789 г. и свержением монархии в сентябре 1792 г., или о прекращении насилия после свержения якобинцев в 1794 г.

Предполагается, что острота дискуссий историков о Вандейском восстании и масштабности репрессий тесно переплетается с элементами мифотворчества о революции. Ведь революция является основополагающим мифом французской политической нации. В преамбуле к пятой конституции Французской республики написано: «Французский народ торжественно провозглашает свою привер-

женность правам человека и принципам национальной суверенности, определенным Декларацией [прав человека и гражданина] 1789 года». Конституция тоже провозглашает как государственный девиз — «Свобода, Равенство, Братство», девиз революционеров 1789 г. [7]. Неудивительно, что детальное исследование масштабности антиреволюционных и контрреволюционных движений нарушает каноническую интерпретацию революции. Да и революция тоже имеет постоянную актуальность. Заметим, что все французские президентские и парламентские выборы, в том числе в этом году, являются своеобразными референдумами о революции. Вольно или невольно возникает перед избирателями вопрос: «За какую Францию мы голосуем?». Процесс консолидации французской политической нации еще не завершен.

Однако современные историки все чаще обращают внимание на массовость оппозиции на каждом этапе революции. Мы теперь можем конструировать более объективный нарратив о ходе революции, особенно в регионах.

Вандейское восстание началось 10–11 марта 1793 г. с беспорядков против решения правительства мобилизовать 300 тысяч мужчин для войны с Австрией, Пруссией и другими европейскими державами. Однако восстание имело долгую предысторию: начавшийся на первом этапе революции и непрерывно растущий антиреволюционный настрой наконец превратился в контрреволюцию в 1793 г. Главными факторами в разжигании антиреволюционных и контрреволюционных настроений явились враждебность сторонников перемен ко всякой критике и их решимость искоренять все проявления духа — «аристократизма» — желания сохранять устаревшие и изжившие себя привилегии. По мнению сторонников революционных перемен, всякая оппозиция к переменам была основана на невежестве и не заслуживала внимания. Преамбула к Декларации прав человека и гражданина провозгласила следующее: «Невежество, пренебрежение или презрение к правам человека — это единственная причина общественных бедствий и коррупции правительств» [8].

По мнению революционеров, корпоративные, местные и другие привилегии были вредными для консолидации нации. Раздробленность народа по политическим, сословным, корпоративным, этническим, религиозным, языковым, региональным, местным, гендерным, возрастным и другим направлениям была присуща тирании и феодализму, жидилась на невежестве и являлась главными препятствиями к построению свободной нации, основанной на разуме, гражданской ответственности и правосознании [9, с. 15]. В ночь с 4 на 5 августа 1789 г. в Законодательном Собрании депутаты доброволь-

но отказались от многих привилегий, в том числе от корпоративных сословных, провинциальных и городских прерогатив. Исторические провинции были упразднены и заменены департаментами [10, р. 439]. Единственные привилегии, которые остались, это право использовать диалекты французского языка и языки этнических меньшинств по правительственным делам. Однако с растущим распространением антиреволюционных и контрреволюционных движений на окраинах и в регионах Франции все чаще якобинцы утверждали, что многоязычие было творением заговора монархов и духовенства во имя невежества и деспотизма. Указом правительства 20 июля 1794 г. было запрещено публиковать законы на диалектах или на других языках. Французский язык стал государственным языком [11].

Первая конституция 3 сентября 1791 г. подчеркивала, что все атрибуты старого строя канули в Лету раз и навсегда. В преамбуле торжественно провозглашалось: «Национальная Ассамблея отменяет бесповоротно институты, которые были вредными для свободы и равноправия» [12]. Таким образом, собрание утверждало, что все атрибуты старого строя были вредны нации, если они не основаны на принципах свободы, равенства и братства, и совсем недостойны сохранения.

Как и во всех департаментах Франции, грандиозность революционных перемен и ломка традиционного политико-общественного строя и уклада жизни разделили вандейское население на сторонников и противников революции. Последней каплей для многих вандейцев стали закон о гражданском устройстве духовенства в 1790 г. и приказ в 1791 г. всем церковнослужителям принять обет лояльности конституции. Этот новый церковный порядок вызвал раскол в католической церкви. Многие священники — почти половина — приняли обет лояльности конституции, но многие другие отказались, особенно, когда папа римский осудил новое устройство духовенства. Верующие, особенно в западных регионах, и многие женщины во всей Франции бойкотировали священников, принявших обет лояльности. Священников, отказавшихся принять обет, выгоняли администраторами из своих приходов, и многие сторонники революции требовали депортации неприсягнувших священников. Церковный кризис вызвал оппозицию к правительству со стороны многих бывших сторонников революции. Многие люди в департаментах не могли терпеть возрастающую власть парижских политиков и парижской толпы [9, с. 20]. Оппозиция к церковному закону приняла большой размах в Вандее; лишь 207 из 768 священников — 27% — приняли обет лояльности конституции [3, р. 43].

Итак, Вандея стала пороховой бочкой, готовой взорваться, особенно после того, как якобин-

цы захватили власть после свержения монархии в сентябре 1792 г. Все чаще у сторонников и противников революции давали о себе знать эсхатологические мотивы о космической борьбе между добрыми и злыми силами. Эсхатологические мотивы демонизации внешних и особенно внутренних врагов мощно влияли на сознание французских революционеров, находящихся у власти, и у их оппонентов. Предполагается, что такое настроение определяло массовую упорность вандейского сопротивления и масштабность правительственных репрессий. Другие регионы Франции переживали массовые антиправительственные выступления и массовые правительственные репрессии, но вандейское восстание отличается от всех других масштабностью сопротивления и репрессий.

Неудивительно, что вандейское восстание еще может вызывать острые противоположные реакции. Как справедливо заметила российская исследовательница Ю.Г. Есина, «Вандея — не просто территория, департамент, а концепт, имеющий две стороны, эволюционирующий во времени, но всегда сохраняющий эмоциональную окраску. В одних случаях Вандея становится синонимом “варварства”, в других — символом героического сопротивления» [13, с. 114]. Итак, мы имеем дело с историческим мифотворчеством.

Уже было отмечено, что можно исследовать Вандейское восстание и другие гражданские войны во Французской революции в контексте истории гражданских войн в европейских революциях и национально-освободительных войн. Сравнительный подход очень актуален при исследовании гражданских войн Российских революций 1905–1907 гг. и 1917–1922 гг. Однако существуют ошибочные параллели между вандейским восстанием и антибольшевистскими движениями в Революции 1917–1922 гг. Известно, что и красные, и белые старались найти параллели с Французской революцией, чтобы объяснить масштабность антибольшевистской оппозиции в некоторых регионах бывшей Российской империи. Со времен революции и вплоть до наших дней публикуются книги о разных «Вандеях» революции [14–18].

Однако можно найти интересные попытки применять и адаптировать вандейскую концепцию к российским региональным условиям. С.А. Зеньковский, американский исследователь русского происхождения, заметил, что старообрядцы, особенно на Севере, Урале, Дону, Тереке, в Сибири и Приморье, часто сохраняли демократические традиции самоуправления. В то же время многие старообрядцы поддерживали оппозиционные и революционные партии, несмотря на их бытовой консерватизм и отвержение европейских обычаев. Как лаконично заметил С.А. Зеньковский, старооб-

рядцы не оплакивали падение самодержавия, хотя они участвовали в антибольшевистских движениях в своих традиционных местах жительства, никакие монархические движения не возникали в этих регионах. Старообрядцы лишили романовскую династию своей Вандеи [19, р. 55–58].

Американский исследователь Уильям Генри Чемберлин в главе под названием «Деникин и казачья Вандея» называл юго-западные казачьи земли «Вандеей Российской революции» и подчеркивал, что оппозиция советскому режиму на этих землях была самой упорной и широко распространенной. Чемберлин признал, что ни белый генерал А.И. Деникин, ни кубанские казаки не были монархистами, несмотря на присутствие многих монархистов среди белых офицеров. Казаки выступали против большевиков, потому что они боялись утраты своих бывших привилегий и части их земель и были разгневаны многими актами грабежа и насилия, совершаемыми недисциплинированными красными бандами [20, р. 134–135]. Заметим, что, как и Вандейское восстание, антибольшевистские движения на Дону, Кубани и Тереке включали значительные элементы гражданской войны между казаками, инородцами — крестьянскими переселенцами (часто русского и украинского происхождения) — и нерусскими народами. Элементы гражданской войны свидетельствуют о сходстве между роялистскими вандейцами и антибольшевистскими казаками. Можно также заметить элементы гражданской войны во многочисленных крестьянских восстаниях и «зеленых» движениях, но мы подчеркиваем, что, как и казаки, крестьяне не воевали за реставрацию романовской династии. Скорее всего, они часто воевали «за советы без коммунистов».

Однако призраки Вандейского восстания продолжают побуждать найти параллели в Российской революции. Писатель А. Солженицын вносил свой вклад в применение вандейской концепции к российским условиям. В речи, посвященной открытию памятника к двухсотлетию восстания, Солженицын заметил, что революция разрушает органические структуры общества и лучшие элементы населения, приносит смерть многим людям и, в самых тяжелых случаях, приносит долгую дегенерацию народа. Писатель сказал, что лишь свержение якобинцев 9 термидора второго года революции (27 июля 1794 г.) спасло Францию от разрушения. У России не было своего термидора, она продолжала идти по революционному пути. Но Солженицын сказал, что Российская революция имела несколько Вандей в тамбовском восстании 1920–1921 гг., в западносибирском восстании в 1921 г. и в антибольшевистских восстаниях уральских, донских, кубанских и терских казаков. Как и вандейцы, казаки стали жертвами революционного геноцида [21].

При всех напрасных прошлых и настоящих попытках применять вандейскую концепцию к условиям Российской революции, эти слова Карла Маркса имеют актуальность: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории» [22].

Как отмечалось нами, можно применять вандейскую концепцию массовой монархической контрреволюции к девяти западным губерниям Российской империи в Революции 1905–1907 гг., потому что они стали оплотами черносотенства. В этих губерниях пересекались социальные, этнические и религиозные конфликты наряду со многочисленными терактами по многим направлениям. Черносотенная «Вандея» стала зоной гражданской войны, но бунт русских роялистов против истеблишмента бюрократии и контристеблишментов либералов и социалистов рухнул [1].

Подведем итоги. Вандейское восстание явилось микрокосмом самых острых аспектов Французской революции. По масштабности сопротивления и репрессий это роялистское восстание сильно отличалось от других антиреволюционных, контрреволюционных и «федералистских» региональных движений и восстаний во Французской революции. Но споры о восстании продолжаются. Например, российские исследователи Д.Ю. Бовыкин и А.В. Чудинов предполагают, что даже приверженность вандейских крестьян к монархизму нуждается в оговорках. Церковный закон и рекрутский набор, а не казнь короля Людовика XVI разгневали их, заставили выступить против республики. Крестьяне воевали, скорее всего, за восстановление своего традиционного уклада жизни, но не старого порядка. Д.Ю. Бовыкин и А.В. Чудинов замечают, что практически в каждом департаменте Франции имелась своя маленькая «Вандея», и предполагают, что лучше называть такие народные движения «антиреволюцией», в отличие от контрреволюции, проводимой представителями бывших элит [23, с. 120]. Можно спорить о терминологии, но факты останутся фактами. Вандейское восстание все еще является синонимом массовой контрреволюции низов.

Библиографический список

1. Рокки Т. «Вандея» российской революции 1905–1907 гг.? Западные губернии и черносотенство // Известия Алтайского гос. ун-та. Исторические науки и археология. 2021. №5 (121). DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-04.
2. Sutherland D.M.G. The French Revolution and Empire: the Quest for a Civic Order. Malden, MA, 2003.
3. Secher R. A French Genocide: the Vendée. Notre Dame IN, 2003. Перевод с французского: Secher R. Le génocide franco-français: la Vendée-Vengé. 4. éd. Paris, 1992.
4. Doyle W. The Oxford History of the French Revolution. 2nd ed. Oxford; New York, 2002.
5. Reynald Secher, A French Genocide: The Vendée. Translated by George Holoch. Notre Dame, IN, 2003. Review by Peter McPhee, University of Melbourne // H-France Review. Vol. 4 (March 2004), No. 26. P. 93-96.
6. Oxford English Dictionary. Third Edition. 2011. URL: <https://www.oed.com/>.
7. Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur>
8. Declaration of the Rights of Man-1789. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp
9. Рокки Т. Революция справа: Российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 4–2.
10. Schama S. Citizens: a Chronicle of the French Revolution. New York, 1989.
11. Leclerc J. Histoire de la langue française. Chapitre 8: La Révolution et la langue nationale des Français (1789-1870). URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm
12. Constitution de 1791, Preamble. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1791>.
13. Есина Ю.Г. Регион Вандея как концепт культуры // Вестник Московского ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2.
14. Гольцев В. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009.
15. Калинин И.М. Русская Вандея. Краснодар, 2010.
16. Матвеев В.А. Националистическая вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях 1917–1921 гг. : монография. Ростов-на-Дону, 2016.
17. Шешуков А.Г. Тобольская прелюдия: вандея по-русски. Тюмень, 2009.
18. Шишкин В.И. Сибирская вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997.
19. Zenkovsky S.A. The Russian Church Schism: Its Background and Repercussions // The Russian Review. Oct., 1957. Vol. 16. No. 4 (Oct., 1957).
20. Chamberlin W.H. The Russian Revolution. Vol. II: 1918–1921: From the Civil War to the Consolidation of Power. New York, 1935.
21. Solzhenitsyn A.A. A Reflection on the Vendée Uprising. Address at the Dedication of a Memorial to the Vendée Uprising Lucs-sur-Boulogne, France 25 September 1993. URL: <https://www.solzhenitsyncenter.org/reflection-vendee-uprising>
22. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта. 1852. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1852/18_brumaire/index.htm
23. Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020.